

Лицо Цзян Жана всё ещё оставалось бледным, но теперь, когда рядом стоял Фан Чжуншань, юноша почувствовал под ногами твёрдую почву. Тревога отступила, уступая место решимости.

— Старший брат Чжуншань заботится обо мне, и твоих угроз я не боюсь! — выговаривая каждое слово, твёрдо произнёс он. — В дом семьи Цзян я больше не вернусь, так что выкинь эти мысли из головы и не трать слова попусту!

Матушка Чжан снова наткнулась на глухую стену. Зубы у неё закрипели от досады. Поняв, что уговорами тут ничего не добиться, она уже собралась было убраться восвояси, как вдруг Фан Чжуншань сделал шаг вперёд, заслоняя собой юношу.

— Постой-ка.

Из их перепалки Фан Чжуншань сразу понял, в чём суть спора. Всё дело было в традиционном «хуймэне» — обязательном визите новобрачных в дом родителей супруга. Хотя сам он и прибыл в этот мир из другого времени, в смутных воспоминаниях прежнего хозяина тела без труда нашлось объяснение этому обычаю.

Взглянув на заискивающее лицо старухи, Фан Чжуншань едва заметно усмехнулся.

— Ты ведь пришла сюда не из чистого милосердия, верно? Небось, та старая карга подкинула тебе звонкую монету, чтобы ты так распиналась?

— Назвала себя свахой, явилась сюда и давай то лаской, то угрозами заманивать Сяо Жана обратно. Сказать, будто они соскучились по нему — курам на смех. Наверняка господин Юань задумал какую-то новую пакость!

Фан Чжуншань всегда насквозь видел людей. Ему не составило труда разгадать хитрый замысел господина Юаня.

Матушка Чжан под его суровым, пронзительным взглядом затрепетала от страха. В душе она уже всю проклинала господина Юаня.

«Тоже мне, покладистый дурачок! Да он одним взглядом до костей прожигает! И как только у господина Юаня язык повернулся назвать его безобидным?!»

Не обращая внимания на то, как меняется в лице старуха, Фан Чжуншань спокойно продолжил:

— Дай угадаю, чем тебя подкупил господин Юань? Куском лежалого мяса или парой медных монет? Взяла деньги — изволь отрабатывать, верно? Если вернёшься с пустыми руками, он тебе жизни не даст.

Лицо Матушки Чжан пошло пятнами — то бледнело, то заливалось краской. Слова Фан Чжуншаня попали в самую цель. Ей до смерти не хотелось возвращать полученные пять медных монет, да и потраченных впустую сил было жаль.

Фан Чжуншань выдержал многозначительную паузу, наблюдая за её душевными терзаниями, и лишь затем неторопливо произнёс:

— Возвращайся и передай господину Юаню: на десятый день после свадьбы мы с Цзян Жаном обязательно придём навестить его. Точно в срок.

Стоявший рядом Цзян Жан вздрогнул от удивления и растерянно посмотрел на него. Юноша совершенно не понимал, почему старший брат Чжуншань вдруг передумал, но перечить мужу при посторонних не решился. Он лишь слегка склонил голову набок, затаив вопросы в глубине души.

Матушка Чжан же едва не подпрыгнула от радости. Видя непреклонность Фан Чжуншаня мгновение назад, она уже мысленно распрощалась с лёгкой наживой. Кто бы мог подумать, что всё решится так просто! Старуха не стала раздумывать, в чём кроется подвох. Главное — дело сделано, и монеты останутся при ней.

Не желая испытывать терпение грозного ханьцзы, Матушка Чжан наскоро пробормотала какое-то нелепое оправдание и поспешила убраться со двора.

В доме наконец воцарилась долгожданная тишина.

Толстый кролик, которого до этого бесцеремонно швырнули на пол, лежал со связанными лапками и притворялся мёртвым. Фан Чжуншань подошёл, беспардонно поднял его за длинные уши и с улыбкой посмотрел на притихшего супруга:

— Ну что, сегодня у нас будет знатное жаркое!

У Цзян Жана на языке вертелся десяток вопросов, но, услышав этот тихий, уверенный смех, он передумал расспрашивать. Юноша безраздельно доверял своему ханьцзы. Что бы тот ни задумал, это точно пойдёт им во благо.

— Дядя Линь полдня водил меня по охотничьим тропам, — Фан Чжуншань легонько покачал кролика за уши. — Я с непривычки совсем выбился из сил, так что он отправил меня домой отдыхать. А зверя этого он сам поймал и велел отдать тебе, чтобы ты полакомился свежим мясом.

На лице Цзян Жана заиграла тёплая улыбка, явив миру очаровательные ямочки на щеках.

— Обязательно нужно отблагодарить дядю Линя! Давай приготовим кролика, но оставим

самую сочную часть, а завтра я отнесу её ему в подарок.

Сяо Шуаньэр оказался превосходным кулинаром. Даже при скудном наборе приправ он сумел приготовить ужин так, что пальчики оближешь.

За последние дни они успели притереться друг к другу. Закончив с делами и поужинав, Цзян Жан послушно забрался на кровать и лёг поближе к стене, оставив край для Фан Чжуншаня.

Фан Чжуншань некоторое время лежал неподвижно, наблюдая, как беспокойно ворочается юноша. Наконец он мягко прижал его руку к матрасу, пресекая эти метания.

— Почему ты не спрашиваешь, с чего я вдруг передумал насчёт визита к твоим родным?

Хоть на лице Цзян Жана и отразилось замешательство, его голос прозвучал удивительно твёрдо:

— Раз старший брат Чжуншань так решил, значит, у тебя есть веская причина. Другим людям веры нет, но тебе я доверяю беспрекословно. Знаю, что ты никогда не причинишь мне вреда.

Эти бесхитростные слова молодого супруга глубоко тронули сердце Фан Чжуншаня, но он не удержался от соблазна подразнить его:

— Ну, тогда берегись. Твой старший брат Чжуншань — тот ещё обманщик. Я обожаю дурить доверчивых ребятишек, а таких простодушных, как ты, и вовсе вокруг пальца обвожу в два счёта!

— Я не ребёнок! — возмущённо вскинулся Цзян Жан. — Мне уже достаточно лет, чтобы быть твоим законным супругом!

Они ещё долго негромко спорили и смеялись, пока усталость не взяла своё. Убаюканные ночной прохладой, они уснули в объятиях друг друга.

Фан Чжуншань действительно всё продумал заранее.

В своей прежней жизни он вырос в нищете на далёкой горной окраине, с детства снося насмешки и презрение из-за вечно больного отца. Корыстная родня и безжалостные соседи преподали ему суровые жизненные уроки. Он прекрасно знал цену человеческой подлости.

Людей вроде господина Юаня он повидал немало. Алчные, эгоистичные, они цеплялись мёртвой хваткой за любого, кто мог принести выгоду. Стоит дать слабину один раз — и они превратятся в назойливых пиявок, от которых не отвязаться до конца дней.

Если господин Юань однажды подослал сваху, он не побрезгует сделать это снова. Пока этот человек чувствует свою власть над Цзян Жаном, он не успокоится. Фан Чжуншаню же нужно обустроить быт, охотиться и налаживать торговлю травами — он не сможет ежеминутно караулить супруга дома.

Фан Чжуншань не на шутку опасался, что в его отсутствие коварный отчим заявится в дом и обидит юношу. Чем бесконечно обороняться, лучше нанести упреждающий удар: явиться в логово врага и устроить там такую бурю, чтобы навсегда отбить охоту соваться в их жизнь.

Фан Чжуншань лишь холодно усмехнулся про себя.

«На десятый день после свадьбы навестить родню? Ну уж нет. Если этот старый лис Юань думает, что сможет поживиться за мой счёт под предлогом традиций, его ждёт горькое разочарование. Ни единой медной монеты он от меня не получит»

Возможно, получив обнадеживающий ответ от Матушки Чжан, господин Юань на время затих. Без назойливых визитов незваных гостей молодые зажили спокойно и счастливо.

Фан Чжуншань заново переустроил их скромное жилище из двух кирпичных комнат. Просторную кухню он оставил на прежнем месте, но выгородил в ней глухой угол под чистую, изолированную купальню.

Поскольку их дом стоял у самого подножия горы Одинокого Шамана, Фан Чжуншань вместе с дядей Линем после нескольких неудачных попыток сумели проложить водопровод от чистого горного источника прямо в избу.

Прохладная ключевая вода побежала по гладко обструганным бамбуковым желобам прямо в огромный глиняный чан на кухне. Как Фан Чжуншань и планировал, хлопот по хозяйству поубавилось: теперь и готовить, и стирать, и принимать горячую ванну стало в разы проще.

В остальном планировка дома почти не изменилась.

Для сооружения водовода Фан Чжуншаню пришлось срубить немало крепких, ровных стволов бамбука на склонах горы, и во дворе всё ещё высилась порядочная куча неиспользованных веток.

Цзян Жан оказался на редкость умелым мастером. Выбрав лучшие стебли, он попросил мужа расщепить их на тонкие, гибкие ленты. Пальцы юноши порхали так ловко, что вскоре в его руках родилась изящная, прочная корзинка.

Сяо Шуанъэр прилежно продолжал работу, тихо приговаривая:

— Старший брат Чжуншань, вы с дядей Линем вечно пропадаете в лесу на полдня, а то и

дольше. Я сплету ещё пару глубоких корзин с крышками. Буду складывать туда свежую еду, чтобы вы брали с собой в горы и не голодали на охоте!

Фан Чжуншань невольно улыбнулся, глядя на его умильное ворчание. Он бережно провёл пальцами по гладким краям готовых корзин и искренне восхитился прочностью плетения.

— Какая тонкая работа! Твои корзины выглядят так ладно, что их без труда можно продать на городском рынке за хорошую цену.

Похвала заставила Цзян Жана смущённо улыбнуться. Слегка опустив голову, он тихо пояснил:

— Раньше в нашей деревне жил одинокий старик, он кормился тем, что мастерил вещи из бамбука. Сердце у него было доброе. Видя, что в семье меня почти не кормят, он пожалел меня и выучил этому ремеслу, чтобы я мог тайне продавать поделки прохожим. За одну корзинку мне давали всего монету-другую, но если долго копить, можно было купить несколько сытных лепёшек из грубой муки. На них я и выживал неделями.

Цзян Жан редко возвращался мыслями к прошлому в семье Цзян, но даже по этим редким, обрывочным признаниям Фан Чжуншань понимал, через какой ад пришлось пройти этому мальчику.

Сам же Сяо Шуаньэр не держал обиды на судьбу. Его пальцы продолжали быстро переплетать зелёные бамбуковые волокна. Напротив, он искренне считал себя баловнем судьбы. Да, его родной отец безвременно ушёл, а отчим нещадно помыкал им, но мир вокруг всегда посылал ему добрых людей. Старый мастер, спасший его от голода, храбрый старший брат Чжуншань, ставший его защитником, и многие другие... Все они были к нему невероятно добры.

Фан Чжуншань долго наблюдал, как юноша, низко склонив голову, терпеливо укрощает упрямые бамбуковые стебли. Трудная работа, от которой легко натереть мозоли и порезать пальцы, в его руках превращалась в весёлую игру. Даже из остатков листьев он умудрился соорудить крошечных кузнечиков и стрекоз. Связанные тонкой нитью, они тихонько покачивались от малейшего дуновения ветра, словно живые.

Закрепив крылышки у последней бамбуковой бабочки, Цзян Жан с сияющей улыбкой посмотрел на мужа:

— Вот наплету побольше таких, соберу в длинную гирлянду и повешу на дверной проём вместо занавески. Представляешь, открываем дверь — а вокруг целое облако бабочек порхает! Красота же будет!

«Совсем ещё ребёнок, такой простой и чистый», — подумал Фан Чжуншань, и сам проникся к юноше глубокой, неосознанной нежностью.

<http://bllate.org/book/19394/1955976>